

24. Там же. С. 304–305.
25. *Тютюник Ю.* З поляками проти Вкрапни. Харків, 1924. С. 12. [Ре-принт].
26. Цит. по: *Михутина И.В.* Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994. С. 284.
27. Там же. С. 92.
28. *Деникин А.И.* Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 5.
29. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 8.
30. Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I / ред. И.И. Костюшко. М., 1994. С. 86, 88; *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 336–337.
31. *Черчилль У.* Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 185.
32. См.: Archiv Ministerstva zahraničnich věcí České Republiky. Politické zprávy. Moskva, 1921. 31.7. И. 184. 30.7. И. 196. 1.9. И. 235. 22.9. И. 271. Письма представителя белой эмиграции в Чехословакии Р. Сватковского министру иностранных дел Э. Бенешу.

А.В. Барынкин

Влияние «германского фактора» на развитие военно-политического противостояния между Польшей и Советской Россией

В развитии советско-польского военно-политического противостояния весьма важную роль сыграл германский фактор. Становление независимой Польши с крайне претенциозной программой территориального оформления границ не могло оставить безучастными ее ближайших соседей — Советскую Россию и Германию.

Традиционно в исторической литературе подчеркивается, что программой максимум Начальника государства Ю. Пилсудского было

«создание ряда национальных государств на территории европейской части России, которые находились бы под влиянием Польши»¹. Также отмечается, что развитие военной экспансии на запад не было столь актуальным и возможным для Пилсудского, как экспансия на восток, «поскольку Россия казалась ему слабой и погруженной в хаос»². Вместе с тем, оформление западной границы Польши не могло не вызвать спора с германским соседом, что нашло свое выражение в ряде польских восстаний: в Великопольше и Силезии³.

Поддерживаемая Антантой, Польша становилась серьезным претендентом на территории со смешанным польско-немецким населением, а также конкурентом для Москвы, будущее которой виделось Ю. Пилсудскому вдалеке от европейской политической жизни⁴. Перспектива становления в Восточной Европе претенциозной и сильной Польши вызвала недовольство ее ближайших соседей и толкала их к сближению друг с другом.

Германский фактор в становлении советско-польских отношений отчетливо заявил о себе вместе с падением немецкого оккупационного режима на территориях, отданных Германии по Брестскому миру. Именно тогда отвод немецких войск с востока пробудил острый вопрос о принадлежности освобождаемых земель. Военному закреплению советской власти содействовала немецкая «помощь». Оценить ее размеры и значение представляется весьма сложной задачей, поскольку достичь налаженного взаимодействия и согласованности удавалось не всегда.

Хорошо известно, что, развивая наступление на территории Белоруссии и Литвы в ноябре 1918 г., передовые части Красной Армии прежде чем входить в тот или иной населенный пункт, должны были, в соответствии с приказом, входить в контакт с германскими оккупационными властями и командованием⁵. В некоторых случаях предполагалось осуществлять подобные акции посредством установления договоренностей с немецкими солдатскими советами⁶.

Следуя содержанию неопубликованных информационных сообщений, попадавших в польское Министерство иностранных дел, мы можем представить более широкий спектр советско-немецкого взаимодействия в Литве и Белоруссии в 1918–1919 гг. Проходившее по нескольким направлениям, оно имело, по мнению польских инфор-

маторов, отчетливый антипольский характер. Особое внимание польских информаторов привлекла ситуация в Вильно (Вильнюс). В копии доклада за 11 апреля 1919 г., направленном в Литовско-Белорусский департамент подчеркивалось, что большевики наладили оживленную торговлю с немцами. С немецкой стороны главным посредником выступал некий майор Венк, получавший 10% от общей стоимости доставленного товара. Показателем уровня торгового оборота мог служить факт того, что Венк получил однократно в конце марта 1919 тыс. рублей. Отмечалось также особо дружественное отношение с большевиками немецких офицеров (которые в большом количестве встречались на улицах Вильно)⁷.

Налаживание взаимовыгодных торговых контактов (вполне очевидно, на индивидуальном уровне с конкретными представителями немецкого командного состава) сопровождалось и стратегическим содействием немецкой стороны. Являясь единственной военной силой в польско-литовско-белорусском пограничье, отряды польской самообороны не могли представлять серьезной угрозы для большевиков, однако немцы прилагали заметные усилия для предотвращения развертывания деятельности и этих вооруженных сил. В донесениях доказывалось: «как показывают случаи в Минске и, особенно, в Вильно, немецкие власти всякими средствами пытались противодействовать появлению и организации польской самообороны, которая могла бы стать единственной силой, предотвращавшей продвижение большевистских войск»⁸.

Ситуация в Гродно также вызывала беспокойство у польских информаторов, так как посредством местного немецкого солдатского совета большевики пытались установить власть в городе через организацию общественных выступлений. В информационном письме от 23 марта 1919 г. говорилось об отправке в Гродно трех «агитаторов-спартаковцев»⁹ и их успешной пропагандистской работе; 15 марта 1919 г. в гродненской типографии вышел первый номер коммунистической газеты «Набат» на русском языке. В конце марта планировались большевистские выступления, и городом должен был овладеть «Спартак»¹⁰.

Укреплению революционной власти должны были благоприятствовать действия немецких вооруженных сил, которые, по словам инфор-

матора, «регулярно разоружают в Гродненском и Сокольском повятах отряды польской самообороны и милицию — единственные структуры, желавшие бороться с большевиками. При этом они окружают особой опекой и доставляют оружие и амуницию отрядам еврейской и белорусской самообороны, к которым примыкают большевистские элементы...»¹¹.

Немецкое военное командование не останавливалось и перед прямым нарушением официальных договоренностей с польской стороной. В этом же документе указывалось на наличие некоего соглашения между большевиками и германскими властями. Как следует из документа, немцы обязались, в частности, уступить большевикам местность Зельвы и не разрушать там мостов. Возмущение польского информатора было связано в первую очередь с тем, что, заключая договор с большевиками 7 февраля 1919 г., немцы нарушали Белостокское соглашение, следуя которому «освобожденные территории в Гродненской губернии должны были передаваться польским войскам»¹².

К лету 1919 г. военное взаимодействие приняло новые формы. В информационном письме из польского посольства в Берне от 7 августа 1919 г. сообщалось о переходе на сторону Красной Армии немецких военных формирований, состоящих из несколько рот, одной батареи, одного разведывательного отдела, одного отряда снабжения. Эти части перешли в русскую армию, «...якобы с одобрения главного немецкого командования. Офицеры и солдаты получили русское снаряжение и будут использованы против поляков»¹³.

Переход кадрового состава рейхсвера на сторону Красной Армии не был случайным явлением. Служба оплачивалась. Как следует из сохранившегося информационного письма капитана батальона Меттеганга, которое было отправлено в военное министерство 12 августа 1919 г., объявлялся добровольный набор. При этом советское правительство обязалось выплачивать солдатам и унтер-офицерам ежедневно 35 марок, а за длительный контракт в течение нескольких месяцев назначалась премия в 5 000 марок¹⁴.

Военное взаимодействие в Белоруссии и Литве, очевидно, имело глубокие корни. В нашем распоряжении имеется документ, отразивший содержание тайного заседания¹⁵, прошедшего в военном министерстве Германии 17 июня 1919 г. Немецкая сторона была представ-

лена группой военных чинов во главе с министром обороны Г. Носке. Советским представителем выступал некий майор Иванкович¹⁶.

Изучив содержание этого доклада, мы можем констатировать наличие весьма оживленного диалога между немецким и советским военным ведомством. Майор Иванкович выразил благодарность Германской Республике за предоставленную помощь в виде посланных Советской России 2387 офицеров и 1293 унтер-офицеров. При этом он особо подчеркнул, что «...согласному тайному договору, Германия обязалась России предоставить для русской армии незадействованных офицеров»¹⁷. Таким образом, мы располагаем информацией о том, что Германия к середине июня 1919 г. имела налаженные военные контакты с Советской Россией, выраженные, в частности, в отправке офицерских кадров. Однако, следуя дальнейшему содержанию документа, мы можем заключить, что обе стороны были связаны неким тайным соглашением, направленным против Польши.

Так, в ответ на упрек полковника Рейнхарда в том, что «Россия до сих пор еще не напала на Польшу», господин фон Штиллерн подчеркнул, что «Россия совсем не могла поступить иначе. Согласно договору, Россия только лишь тогда примет наступательные меры против Польши, когда секретный договор будет опубликован»¹⁸.

Польша, в контексте неизвестного нам договора, становилась лишь второстепенной целью, ведь, как подчеркнул полковник Рейнхард, «вследствие захвата Польши Россией, Германия была бы прикрыта на Востоке и могла бы бросить все свои силы на запад». Соответственно, задача Москвы сводилась бы к обеспечению тыла Германии, в то время как последняя вела бы боевые действия со странами Антанты. Однако на таком фоне не стоит преувеличивать значение самих переговоров, проходивших в Берлине. Так или иначе, они носили совещательный характер, и обсуждение противодействия странам Антанты было сведено к словам генерал-лейтенанта В. Гренера о том, что «новая война против Антанты была бы бесперспективной. Нынешняя немецкая армия достигнет, пожалуй, своей цели в отношении Польши, против армии Антанты она слишком слаба»¹⁹.

Таким образом, в новых условиях 1919 г., становление сильной и обеспеченной помощью стран Антанты Польши вызывало объяснимое беспокойство со стороны ее западного соседа. Очевидно, что немецкой

стороне было выгодно скорейшее начало боевых действий на восточных рубежах Второй Речи Посполитой. Развитие военного противостояния Польши и Советской России должно было отвлечь польскую политическую элиту от решения территориального спора с Германией.

Представляется, что немецкое командование не упустило первой возможности столкнуть лицом к лицу Красную Армию с боевыми частями Войска Польского. Такая перспектива появилась с наступлением февраля 1919 г. Тогда (5.02.1919 г.) было заключено упоминавшееся выше тайное польско-немецкое соглашение в Белостоке, по которому отрядам Войска Польского позволялось пройти через немецкие боевые порядки. Тем самым немцы непосредственно способствовали прямому столкновению польских сил с Красной Армией. Показательно, что именно после заключения Белостокского договора, 12 февраля 1919 г. появилась директива о создании советского Западного фронта²⁰, а 14 февраля разыгрался бой под Березой Каргузской, который трактуется некоторыми историками как первое сражение советско-польской войны²¹.

Касательно рассматриваемых событий, Л. Вышчельский приводит заслуживающую внимания цитату Ганса фон Секта (главнокомандующего рейхсвера): «В германских интересах было столкновение немецких и советских войск, а также начало между ними боевых действий»²². Указанный отрывок лишний раз свидетельствует, что в среде высшего военного командования рейхсвера имелись сторонники скорейшего столкновения Польши с Советской Россией, очевидно, при развитии партнерских отношений с Москвой. Польские исследователи прямо говорят о том, что, пойдя на подписание соглашения с Польшей, Берлин хотел таким образом ускорить начало советско-польской войны, в результате чего должна была ослабнуть помощь польским повстанцам в Великопольше со стороны Варшавы²³.

Позже, в 1920 г., тот же Ганс фон Сект в одном из своих выступлений в Гамбурге говорил, что «ни один немец не должен пошевелить и рукой ради спасения от большевизма Польши <...> и если бы черт побрал Польшу, нам бы следовало ему помочь»²⁴. Таким метафорическим «чертом» на рубеже 1918–1919 гг. оказалась Советская Россия, активно устанавливавшая свою власть на пограничных с Польшей территориях.

Подводя итог вышесказанному, невольно напрашивается вывод о том, что германский фактор в советско-польских отношениях того периода играл роль катализатора военного конфликта. Германское командование стремилось всеми возможными силами привести к столкновению двух республик в польско-литовско-белорусском пограничье.

В свою очередь советская сторона наладила весьма оживленные контакты с представителями немецкого военного командования, что нашло выражение в тайных стратегических переговорах с руководством немецкого военного ведомства о возможности совместных акций, направленных против Польской Республики, а также в найме немецких военных кадров. И, если стратегические переговоры остались нереализованными утопическими построениями, то переход немецких офицеров и их служба в рядах Красной Армии стали реальным фактом. В попытке преодолеть экономический кризис налаживались и торговые связи с некоторыми представителями немецкого командования, что обеспечило проведение регулярных торговых сделок, в частности на территории Литвы.

Советское руководство не афишировало своих контактов с немецкой стороной в 1918–1919 гг. Весьма показательным, что именно появление независимого Польского государства пробуждало инициативы совместных акций, направленных против Польши, а, следовательно, и против складывавшейся в Европе системы международных отношений. Польские информаторы обоснованно видели в германско-советском сотрудничестве примеры «сговора» против Польши. Впрочем, в рассматриваемый период отношения между Германией и Советской Россией не вышли на межгосударственный уровень. Тогда они носили, скорее, несколько пробный, экспериментальный характер. Представляется, что уже в то время складывалось представление о возрожденной Польше как одной из основ нового миропорядка в Европе, столь критично воспринимавшегося как в Берлине, так и в Москве.

Примечания

1. Мельгюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001 // <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/03.html>

2. *Бобрин М.* Польская историческая литература 80-х годов о Ю. Пилсудском. М., 1990. С. 19.
3. Уже в начале 1919 г. Варшава пыталась спровоцировать польское национальное движение в Верхней Силезии с целью ее дальнейшего присоединения к Польше. См.: Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001 // <http://militera.lib.ru/research/gorlov1/index.html>
4. *Czubiński A.* Walka Jyzefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002. P. 35.
5. См.: Указание по прямому проводу Ф.В. Костяева начальнику штаба Западной армии о порядке дальнейшего продвижения частей армии от 25 ноября 1918 г. // ДГККА. М., 1969. С. 179.
6. См.: Директива Главного командования командованию Западной армии о линии дальнейшего продвижения на запад (от 6 января 1919 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 186.
7. AAN, MSZ, sygn. 4475. K. 77. Информационное письмо Комиссара Гродненского повята в Литовско-Белорусский департамент от 11.04.1919 г.
8. Ibid. K. 26. Докладная записка о советско-германских интригах в Литве (март 1919 г.)
9. Так указано в тексте.
10. AAN, MSZ, sygn. 4475. K. 25. Информационное письмо комиссара Гродненского повята Главному Командованию Войска Польского (в Военное Управление восточных кресов, Генеральному Гражданскому Комиссару) от 22.03.1919 г.
11. Ibid. K. 28. Докладная записка о советско-германских интригах в Литве (март 1919 г.).
12. Ibid. K. 26.
13. Ibid. K. 89. Информационное письмо из Польского Посольства в г. Берне в Министерство Иностранных Дел в Варшаве от 7.08.1919 г.
14. Ibid. K. 98. Копия Доклада о тайном заседании, проходившем 17 июня 1919 в здании Военного министерства (Германия).
15. Представляется, что одним из первых в историографии истории советско-польских отношений на данный документ обратили внимание польские исследователи Г. Лукомский и Б. Поляк. См.: *Lukomski G., Polak B.* W obronie Wilna, Grodna i Mińska. Front Litewsko-

- Białoruski wojny polsko-bolszewickiej 1918–1920. Koszalin-Warszawa, 1994. P. 59–62.
16. Так указано в документе.
 17. AAN, MSZ, sygn. 4475. К. 96. Копия Доклада о тайном заседании, проходившем 17 июня 1919 в здании Военного министерства (Германия).
 18. Ibid.
 19. Ibid.
 20. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 361.
 21. *Davies N.* Orzeł biały, czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Krakow, 2011. P. 42; *Michta N., Kumoś Z.B.* Niewypowiedziana wojna 1919–1920. Warszawa, 2009. P. 37.
 22. *Wyszczelski L.* Niewypowiedzialna wojna. Polsko-rosyjskie działania militarne w 1919 roku. Toruń, 2005. P. 36.
 23. *Литиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 57.
 24. Цит. по: *Кантор Ю.* Польско-большевистская война как фактор германо-российского сближения // Треугольник Москва–Варшава–Берлин. Очерки советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. СПб., 2011. С. 23.

Т.И. Трошина

**Тень Версальского мира: влияние событий
советско-польской войны на общественную жизнь
послевоенной Германии (август 1920 – июнь 1921 гг.)***

Послевоенный передел границ, изменив политическую конфигурацию Европы, создал немало напряженных ситуаций. Это касалось и

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 12-11-29000a/С)